

ВЛИЯНИЕ МОЛОДЁЖНЫХ СУБКУЛЬТУР НА СОЦИАЛЬНУЮ СФЕРУ ПОСРЕДСТВОМ ТЕЛЕСНЫХ ПРАКТИК

THE INFLUENCE OF YOUTH SUBCULTURES ON THE SOCIAL SPHERE THROUGH BODY PRACTICES

T. Appalónova

Summary. The article outlines the concept of the influence of the body and the corporeality of a person on the broad context of his social and historical existence. In the first part of the article there is a tendency to reveal that a negative attitude or total rejection of the human body has a negative impact on the entire cultural paradigm of a particular period. The second part of the article describes the possibility of resolving the crisis of corporeality at the present stage through the appearance of youth subcultures, which constructs its body according to different principles. The purpose of the work is to substantiate the need for youth communities, compensating through various bodily practices the consequences of losing the integrity and completeness of modern man's presence.

Keywords: body, corporeality, youth subcultures, body practices.

Аппалонова Таусия Станиславовна

Аспирант, Санкт-Петербургский государственный университет
appalónova-taya2013@mail.ru

Аннотация. В статье излагается концепция влияния тела и телесности человека на широкий контекст его социального и исторического существования. В первой части статьи прослеживается тенденция выявляющая, что негативное отношение или полное отторжение человеческого тела имеет отрицательное влияние на всю культурную парадигму того или иного периода. Вторая часть статьи описывает возможность разрешения кризиса телесности на современном этапе посредством появления молодёжных субкультур, конструирующих своё тело по иным принципам. Цель работы обосновать необходимость в молодёжных сообществах, компенсирующих посредством различных телесных практик последствия утери современным человеком целостности и полноты присутствия.

Ключевые слова: тело, телесность, молодёжные субкультуры, практики тела.

В каждом цикле исторического движения мира, субъект неизменно проявляет склонность среди всего множества объектов выделять и постоянно удерживать в пределе внимания особый объект — человеческое тело. На пути человека к познанию тело является либо привилегированным объектом заботы и созерцания, либо отвергнутой забракованной формой, скрывающей в себе опасное сгущение скверного. Самопродвижение мира предполагает регулярно возобновляемые сюжеты исторического сценария, в которых навязчивое избавление от тела сменяется его последующим возрождением. Избыточно символичное тело изъято из времени, оно всегда мера обмена с божественным и человечество, глядя в вечность снова и снова приносит его в жертву. Но не расчленённое и уничтоженное, а живое и сильное, согретое заботой тело становится источником жизни, где за пределами телесного возвращаются побеги благосостояния культуры в целом. Вступившая в фазу обновления культура становится поводом для поэтического настроения, живой импровизации, созерцания миропорядка. Так греческая культура, утверждавшая принцип нерасчленённости душевно-телесного единства, включала в микрокосм человеческого тело, как отблеск космического совершенства.

Иная ситуация разворачивалась в период Средневековья, где божественное и человеческое не совпа-

ли в универсальном согласии вечного и мгновенного. В пространстве властвующего господства божественного несовершенное человеческое тело порождало беспокойство, для устранения которого требовалось принудительное очищение душевной субстанции от сомнительной телесной оболочки. Вглядываясь в реалии того времени, мы видим, что массовое наказание и умерщвление тела в немалой степени приобщило общество к состоянию небытия, где смерть многократно умножила своё присутствие наглядно являя себя через предельно жестокие практики инквизиции. Тело, принесённое в жертву Богу, пребывающее длительное время в тени смерти, лишённое всех способов самотрансляции, стало мёртвым телом, способным проецировать вовне лишь пустую форму. Позже эпоха Возрождения стремилась утвердить право тела на осуществление в общекультурном генезисе, нарушив тем самым его многовековое трагическое безмолвие. Процесс творческого считывания феноменов мира включил тело в изначальный строй сущего как привилегированный объект созерцания.

Новая фаза исторической забывчивости произошла в XVII веке, когда практика научного обогащения мира обналичила тело в качестве объекта познания. В этот период творческое напряжение художника, увлечённого телесной пластикой, сменилось скрупулёз-

ным препарированием тела, математически точным хирургическим расчленением его на фрагменты. Новые познавательные процедуры превратили тело в пугливое существо, принесённое в жертву новому «богу науки». Расширяя диапазон истины, научное познание, захваченное потоком уточнений, долго и принудительно удерживало тело на хирургическом столе. Нарботанный с течением времени объём данных, выявил особый объект — мозг — предположительно вмещающий глубины человеческого. Вброшенный в мир отдельно от тела мозг обрёл власть в период Просвещения и ещё долго удерживал её. Но без тела мозг пространственно не локализован, лишён космологического измерения. «Не сон разума порождает чудовищ, а, скорее, бдительная рациональность, страдающая бессонницей» [4].

В результате застывший в долгой фазе бестелесного существования мир, породил безумные состояния, в которых массовые жертвоприношения стали регулярной практикой вплоть до конца XX века. Произошёл выход за пределы вмещаемости целых народов, где вожди, освещённые вспышкой идеи, растратили миллионы человеческих жизней, увлекая их в бушующий океан революций, воин, геноцида. В послевоенные 50-е годы XX века бушующая стихия войны разрушила не только города, но и низвергла основополагающие рациональные построения, выявив в них отсутствие истинной просвещённости и гуманизма. Человечество, тревожно глядя в реальность, надеясь на шанс бытия заново, критерии оценки настоящего радикально изменились, человекомерность стала основным предельным смыслом в подходе к оценке событий. Реакцией на фантомные боли от утраченной телесности становятся многочисленные исследования в данной области. Но каким бы активным не было дискуссионное поле исследований телесности, оно неизменно существовало лишь в рациональном пространстве теоретических построений. Теория не могла сблизить вещи столь далёкие друг от друга как понятие тела и живое тело человека, поэтому, существующее фактически тело оставалось не активированным, не задействованным в физическом мире. В этот период в возрождающемся мире утвердилось новое социальное пространство молодёжных сообществ, состоящее из отвергнутых обществом обладателей индивидуальных девиаций. Представители молодёжных субкультур переконструируют своё тело, создавая новый телесный облик, который противостоит принятым в обществе формам искусственного единства. Игнорируя мир конкурирующих соблазнов, они уклоняются от доминирующей тенденции одомашнивания человечества, создавая себя и свою среду в дерзновенном акте авторизации обладая смелостью оставаться исполненными дикого, телесного, дионисийского буйства. Молодёжные субкультуры призваны стягивать разрывы социального в точках образовавшихся пустот, они возвращают миру

человеческие черты, убывающие по мере утраты субъектом целостности.

Прежде всего, мечты и желания, изъятые из повседневной среды, обрели единое коллективное воплощение в медиа пространстве. Обескровленный и обесцвеченный мир, продолжает своё мерное движение на автопилоте по пути прогресса, при этом человеческий вид, оглушённый плотным информационным шумом, неосознанно движется в сторону самоизоляции и цинизма. Реакцией на стандартизацию и критическое оскучение социальной среды стало появление ярких, карнаваловых субкультур, среди них; ролевики, толкиенисты, косплеи. Молодёжные субкультуры в противостоянии к общему инерционному движению, принялись активно редактировать мир, заполняя его привычную форму мистическими сюжетами и образами героев медиа сферы. Причастность к магии внутреннего перевоплощения в косплее достигается посредством изменения внешних атрибутов, таких как; костюм, причёска, манера поведения. Перевоплощённый герой, погружаясь в пространство пересечения двух миров привычного и виртуального, проживающий в едином творческом моменте лёгкую иномирность, создаёт инвариант событий, реализуя мечту в рамках повседневности.

Стоит отметить, что на современном этапе единство присутствия не предполагает речевого взаимодействия, алфавит распадается на мемы, кристаллизуется в пиджин и в плотном шуме городов лишь точно регистрируются отдельные человеческие голоса. Медиа пиксели стремительно тиражируя образы — симулякры [1] добровольно изъятого у человечества сущего, вытесняют человеческую речь. Тематическая словесная комплектация дисциплинарных пространств [8, с.198] сохраняется в качестве антропологических речевых реликтов современного рациополиса. В хип хоп культуре вновь актуализируется слово, посредством которого репер выходит на связь с проблемной современностью, где он временно облачён правом производить мгновенную растрату заархивированных, невыраженных текстов, невысказанных мнений. Словесный поединок двух реперов — батл, предполагает отсылки к кратким эпизодам из жизненного опыта каждого участника, множественность историй высказывается в экспрессивной, грубой манере, но искренне без искажения смысла. В словесной борьбе схватываются и предъявляются актуальные смыслы, они же становятся для репера способом борьбы за признание в кругу молодёжи, почитателей хип хоп субкультуры.

Другими словами, общество дефицита и накопления антропологически зыбкая территория, на которой человеком утеряно внутреннее ощущение свободы, его жизнь собрана из обрывков возможностей, где непрожитое причиняет ущерб личности, порождая состояния

невключённости в происходящее. Для субкультуры байкеров дух свободы основа мироощущения, они усмотрели иные способы раскадровки повседневности, где скорость, риск и стальная мощь байка являются маркерами предельной достоверности присутствия. Своеволие и я экспансия познавшего свободу за пределами социальных ролей байкера, включает присвоение им права на самовыражение, нарушение общественных норм и законов.

Так же сопричастные духу свободы графферы покрывают рисунками протяжённые гомогенные плоскости городских строений, варьируют порядок слов до внятного антипотребительского, феминистского, антивоенного послания. Они не только фиксируют ряд наблюдений в мгновенном творческом акте, но и побуждают зрителя к осмыслению происходящих событий. Художник творит нечто, выводящее зрителя из состояния нулевой степени вовлечённости, посредством оттенков краски он регулирует оттенки настроения. Алармизм, характерный современному человеку, приводит к тому, что любое проскальзывание травмирующих микросмыслов способствует повышению уровня тревоги при этом формируются тактика избегания и игнорирования широкого поля событийности. Внезапность и предельная достоверность послания не позволит, и далее уклонятся от правдивой информации, граффер становится резонатором сокрытой электронными медиа ресурсами правды.

В частности, европейский индивидуализм, практически включённый в человеческую органику, как оказалось не способен заполнить внутренние пустоты, образовавшиеся при разрыве основополагающих человеческих связей. Контринъекцией индивидуализму становится волной захлестнувшая в 60-е годы, в основном капиталистические страны, субкультура хиппи. Притягательность образа жизни хиппи, беззаботность их существования способствовала объединению людей в духовные общины, позволяла вписывать в персональную историю каждого из них искренние моменты человеческого единения и любви.

Современный индивид распоряжается миром, не учитывая период полураспада всего живущего, он старается жить стремительно, игнорируя разрушитель-

ную силу времени, вытесняя смерть из сферы своего социального пространства. Но смерть не ничтожная прибавка к жизни, которую можно вычеркнуть из поля восприятия и все попытки её вытеснения оборачиваются внедрением смерти в само ядро жизни, ведут к постепенному омертвлению всего живущего, признаки распада проявляются в бездуховности, равнодушии, бесцельности существования. [2]. Обустривая свою собственную часть мира, готы, улавливающие созвучия поэзии к иному, не просто ощущают близкодействие смерти, но и воспроизводят наглядно её ритуалы. Так театрализованная смерть выходит из тени забвения, а значит, выставляет черту для предельных размышлений о смысле жизни каждого отдельного человека.

В конечном счёте, наработанный историческим временем опыт взаимодействия человека с собственным телом выявляет широкий диапазон возможностей от принятия тела в качестве значимого параметра присутствия в мире, до актов принудительного отторжения своей телесной экземплярности. Длительное дистанцирование от собственного тела порождает коллективные девиации, где в процессе затянувшегося макростресса попытка выстроить альтернативную бестелесную версию мира неизменно заканчивается формой наваждения, включающей практику массового уничтожения человеческого вида. Нарушая общий принцип стремления к бестелесному существованию, представители молодёжных субкультур наделили себя правом распоряжаться своим телом, конструировать его, избегая, таким образом, состояния расфокусированности, они выстраивают свою эмпирию, где внутренняя сущность рождается вместе с телесной формой. Современные молодёжные субкультуры лишь небольшие плато в океане социального регистрирующие критические параметры настоящего, где свобода скорее декларируется, чем проживается, визуальные образы подменяют речь, утопия вытеснения смерти оборачивается её проекцией на всё живое, индивидуализм регистрируется как фактор способствующий распаду человеческих связей. Исходящий от молодёжных сообществ импульс обновления социального реализуется посредством приобщения нас к состоянию до потери, дистанцируясь от рутинного они высказывают несказанное, их сила в целостности и полноте присутствия.

ЛИТЕРАТУРА

1. Бодрийяр Ж. Симулякры и симуляция [Электронный ресурс]. URL: http://lit.lib.ru/k/kachalow_a/simulacres_et_simulation.shtml (Дата обращения: 03.12.17)
2. Бодрийяр Ж. Символический обмен и смерть [Электронный ресурс]. URL: <http://e-libra.ru/read/185045-simvolicheskij-obmen-i-smert.html> (Дата обращения: 15.07.17)
3. Большакова Е. А. Ваш ребёнок — неформал. Родителям о молодёжных субкультурах. М.: Издательство «Генезис», 2010. 152 с.
4. Делёз Ж., Гваттари Ф. Капитализм и шизофрения. Книга 1 Анти-Эдип [Электронный ресурс]. URL: <https://fil.wikireading.ru/20218> (Дата обращения: 07.10.17)
5. Козлов В. В. Реальная культура. От Альтернативы до Эмо. СПб.: Амфора, 2009. 352 с.

6. Омельченко Е. Л. Молодёжные культуры и субкультуры. М.: Институт социологии РАН, 2000. 264 с.
7. Ремизова М. С. Весёлое время. Мифологические корни контркультуры. М.: Форум, 2015. 160 с.
8. Фуко М. Надзирать и наказывать. М.: Ад Маргинем, 1999. 479 с.
9. Щепанская Т. Б. Система: тексты и традиции субкультуры. М.: ОГИ, 2004. 286 с.
10. Эпштейн М. Н., Тульчинский Г. Л., Философия тела. Тело свободы. СПб.: Алетейя, 2006. 432 с.

© Аппалонова Таисия Станиславовна (appalonova-taya2013@mail.ru).
Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»

Санкт-Петербургский государственный университет